

Константин Кадаш  
*Kundskabens træ iii*

(для Лисицы и облаков)



# Константин Кадаш

## Kundskabens træ iii. 2015

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=19052312](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052312)*

*ISBN 9785447490096*

### **Аннотация**

Некоторое количество неидиоматических импровизаций для карманной трубы, написанных ощупью и с изнанки. Для заплутавших в географии и кодах, которых, возможно, не существовало вовсе.

# Содержание

[Enfaldig sång om inte återvänder]	6
[отступные]	7
[на выдохе]	8
[говoreние о непостижимости гражданской совести]	10
[радуга]	12
[черный прямоугольник на сером фоне]	13
[Богоматерь песка]	15
[причины и следствия/забвение языка]	16
[узнавал...]	17
[первая вариация для альты]	18
[...]	19
[Вихрь хунвейбин]	21
[...и песни белых китов]	23
(наброска)	23
[Kundskabens træ iii]	26
[ta världen på lån]	27
[En Annan Morgon Raga]	28
[ведомость учета ландшафтов]	29
[...]	30
[оратория мерзнущих мочек]	31
[наброски к тезисам об озимых и животноводстве]	33

[палестинская бородатая рыбина или черные полковники на папертях]	35
[man among the ruins]	37
[диптих для школьной тетрадки]	39
[рага попутного ветра]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# **Kundskabens træ iii**

## **2015**

**Константин Кадаш**

© Константин Кадаш, 2016

© Екатерина Гераскина, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# [Enfaldig sång om inte återvänder]

в две трубы медные – по небу, с обратной,  
тыльной стороны недоверия  
мы разбираем разности,  
сами окрыленные,  
с ногтями плоскими и  
в перьях.

ты —

с края раями медоносными мазанного,

я —

с игольного ушка через которое ни черту,

ни

ангелу.

отставаясь к каждому встречному, скорее,  
случайными,

и,

всего чаще,

напрасными.

# [отступные]

непутёвое множество сно-  
видал,  
сам говорил под нос: эка невидаль.  
если частое полунное сечение обрывается на полуслове,  
если не-ба позолота оплывает оловом,  
и твои оловянные солдатики маршируют строем  
по роговеющему месяцу... если  
отозваться не эхом, но  
выстрелом, в этой  
песне  
станет больше прорешек, в которые:  
грошиком – в землю, семечком —  
в пашню, лакмусовой бумажкой – в  
черничные пятнышки,  
расплывающиеся с каждым ударом  
сердешным.  
окажись здесь вещим, вешним,  
нездешним,  
рая отщипни  
кусочек украдкой,  
запиши в тетрадку:  
жил.

## [на выдохе]

с чьей подачи страх – бел,  
чем смертен?...  
(так в фильме скверном:  
в сквере  
мелом  
обвести тело...)  
с чьих слов мир сед и болен,  
и по какому праву – ваш?  
я волен  
расписаться в этой пустоте,  
все знаки  
распознать/не выжечь  
на кости,  
на коже.  
но блажь  
подобия  
защита с детства  
в мозжечке...  
«убий», не заповедь, зачин,  
и евхаристия – задел,  
пролог к очередному «да укради».  
я-вечность бога ради  
из ледяных твоих творил  
очередного человека.

века.

и не успел.

# [говoreние о непостижимости гражданской совести]

а человек был чобатый и —  
с комарами на пузе,  
ротозей,  
вызрел в каждое крохотное, толченое,  
как одуванчик – в асфальта трещины.  
кроткие кургузые лепесточки токал:  
цок-цок, словно  
копытками ослик.  
дальше: лишь волглая пашенка  
порастила мундирами, шлемами.  
так космические лоботрясы  
потрясали дубинками,  
клокотали, катались  
и – до слепоты – ярое солнышко  
с ладоней высматривали.  
мы были белы и пострелы...  
пока бесцветный пан феней лопотал,  
сонливые птицы обессути  
ютились на раскидистых ветвях  
беспородных елей,  
елеем мазанных,  
холодом взлелеянных;  
вестимые вестники нашего

ненаглядного, пущего  
осмысла.

# [радуга]

для непутевых, путейных, питейных прогнозов —  
новая радуга, переломленная через колено;  
да, дня говор с моих слов передан верно,  
до каждого нового трамвая донесен,  
бегущего по кольцу от бульваров к сердцевине  
изжеванного ситцевого платица бессловесной алисы,  
свернувшейся комочком в чащобах своего зазеркалья,  
лишенного заповедной заветности, выморочной  
праведности.

ты только дождись, дождись: дождей, снега, мороза,  
всякой другой ненаглядной былинной х..ни,  
заштопай победные дыры выходного своего мундира,  
задуши в себе люто и чортом, и малютками его.  
тогда и выдохнем легко и свободно,  
тогда и покатымся колечком золотистым к солнышку  
в горницу  
от самого своего крылечка кособокого,  
от смешливого заупокойного детства. прочь.

# [черный прямоугольник на сером фоне]

путеводные костры  
расхристанные, христовые,  
как на расчерченной намертво дощечке  
имени своего каракули вывести;

сушеные каракумы жевал,  
сплевывал лихо сквозь зубы, дурень,  
а все-все пушки/ружьишки/танчики  
ветром взъерошило, и понесло

стаей воробьиной над лесами-полями-весями,  
змеем развеселым бумажным над куполами,  
над маковками, под ногами твоими,  
широкой походке сватанными.

и было оружие словом, а слово было  
как слава,  
как колокол,  
как легкое покалывание в сердце на выдохе,

когда от алого к букварю ниточка протянута,  
когда в одеяле – дырочка-морока,  
в которой – пальчики в кулачки и – инеем.

и если ты не достаешь ногами

до спасительной голой веточки,  
дождись меня, дружочек,  
повиси еще вечность-другую,  
все тут будем, одним словом – навывлет.

# [Богоматерь песка]

Ритуалы необъяснимого:

Голые короли рисующие по коже стилем

Нежность;

Настырная педерастия и гомогенность

Неуемного распада:

Сквозь темень и бездонность-

Свет и серп.

И легковесное отчаянье утраты ада.

Всё – человечность,

Всяк – человек.

И каждый

Заклучен в святость и телесность нисхожденья

К бездушным небесам.

Распятыя, жертвенность, разлад,

Судья которым —

Сам,

Пустыни ищущий

В избытке сада.

# [причины и следствия/ забвение языка]

Дни настали и схлынули,  
К осени запылились,  
Городом впроголодь исхлестали  
Ребра, ладони, губы.

И

Каждый

Глаза прищуром роптал,  
Меняясь в лице, маясь  
Вопросом, голосом, кризом,  
Седея волосом, а  
Толстобрюхие вприсядку

Твари,

Голохвостые

— крысы —

В подполе словарь

Обгрызли.

И ничего не случилось

## [узнавал...]

Узнавал небо на ощупь:  
Все-все ложбинки, изгибы, формы —  
От граней отступления/разрывы.  
Не видел солнца. Пальцем  
Касался, обжигаясь, края;  
Не ведал рая,  
лебедой незрячесть правил,  
Пока не стал молчанием,  
Пока не обернулся —  
Пылью,  
Укрывшей кости бога.

Когда над солнцем занялась заря немых,  
В бумажной кроне птицы стали.

# [первая вариация для альты]

Следы читают меня со стоп,  
с изнанки,  
где колос,  
прорастающий в зерно, себя собою дарит...  
чаще к вопросу склонен голос,  
чем ум —  
чему меня учить, когда ты  
шаг за шагом отступаешь к океану,  
оступаясь, остужая  
пространство отражений,  
движений от, движений по.  
Не человек, но птица  
с асфальта поднимает стебель, тень,  
прячет в карман.  
И говорит, частит, срывается на крик,  
но не исходит звука

[...]

мой черный человек с бледными волосами не прячет  
лица,  
перед сном не укутывается в плед.  
читает лишние книги с конца,  
к обеду покидает планету,  
прихватив от бед оберег —  
игрушечного кита,  
опоясанного усом, кусок плащаницы,  
рукопожатие, реку.  
за ним – дым, там, пустые обиды...  
к черту планеты, звезды, болиды.  
с ампутированной душой инвалиды —  
мы – отступаем от края обрыва, помня черты,  
осцилляцию пульса,  
во рту привкус свинца.  
(но даже такое сердце биться  
не переставало)...  
после, лелея нарывы,  
справа-  
налево пунктиром  
вести по каса-  
тельной к телу ладони, пальцев  
кроткое посягательство.  
каждый не палач, но,

в лучшем случае,

жертва

обстоятельства.

в той или иной.

вброд по дороге от/до\_мой

до нитки промокнув в недвижной реке,

выползаю к красной строке,

ничей человек, оброненной тобой.

# [Вихрь хунвейбин]

берег крут раскатистый  
как поросль неба в пере змея, когда  
к звездам, к брови, к паперти,  
и – падающие капли  
не уместить в ладони майской  
серый глазом, без берега  
в буйном боевом океане  
буйным  
берегом под беды боем  
чучелом конька-горбунка – к ковчегам  
кочегаром – к звездам  
красным  
над пегой ломанной горизонта  
над безмерной алой  
под радугой революций  
в малом – комком земляным, колобком  
глиной вылепленным, чадным, вечным  
разным  
был буй жаром обуянный несносный  
падал со скатерти папиросным  
огарком о/границы берег, хранил  
и в памяти таял-таял  
без лепестка, без корня,

а к утру – стихло всё

# [...и песни белых китов]

## (наброска)

Великое смирение берет начало от великого греха,  
От введения к искушению.

Ловчий ветра рассматривает рельеф потолка  
Камеры добровольного одиночного заключения

Где-то на задворках вселенной, в летнем дворце  
Глашатая смерти и зачинателя милосердия.

Он уже стар, слаб, наг. Точнее – в одном шутовском  
колпаке

И в тапках на ногу босу и неверно поправшую тверди,

Как наверху, так и – под землей, там, где костями играет  
Лета.

Вот только лодки как не было, так и нет.

И в лачуге смирения зима собою сменяет лето,  
В и без того тусклой лампочке неспешно меркнет свет.

Ожидание смерти – ничто прежде сонма вещей,  
К примеру, уныния, жажды прощения и исхода.

Ловчий ветра, погрязнув в теле и в тени, за тем и за ней  
Не усматривая в себе человека,

в этой вечности заперт, бездушен, богоподобен, зверея  
от года к году.

Дворец обветшал: позолота, лепнина, резьба по кости  
и плоти живой

Полнит пространства лишённое площади, стен, пола;  
Что горит – сожжено, что все еще живо – лживо в своей  
полноте. Снова

За дверью в небо картечью палит безликий звездный  
конвой.

Из колыбели, лежанки, ступеней, дверей,  
выпростанных лет,

Из того, что когда-то хранило свет и цело,  
Собран нехитрый ковчег.

Монетку вложив под язык,

Ловчий ветра закуривает и берет в руки весло.

Выгорел. Равнодушие разъело плоть, что твой яд,

Здесь не возможно ни пробы взять, ни поставить точки.

Клоуны и палачи, тени, сменяя друг друга шаг в шаг  
подряд

Плетутся вдоль берега, нащупывая брод, наугад,

И – безмолвные – тонут

\_\_\_\_\_ прочерк

Повторение фарса по сути – тот же акт

Со-творения лжи, но с изнанки вдоха

Ловчий ветра не верит ни в рай, ни в ад.

Только в плотность воды и невозможность бога.

## [Kundskabens træ iii]

Теперь отходим от обочины, глаза закрыты:  
Читать бездорожье по теням следов,  
Когда чуждое копошение ветра складывается радугой  
Лунной, и невнятица голосов ваших, дорогие мои  
мертвые,  
Посыпает песком ладони —  
Птичьи – повернутые к небу и  
Почернелые, как заглавные буквы в моём букваре  
(молчаливое сердце, скользящее над крышами  
С востока – на запад нечетным созвездием,  
Гордыни несобранная головоломка, тем числам  
Девяностотретий – год от  
Лакуны, в которой дремлет рыба)  
И, пользуясь случаем, я бы хотел  
Передать привет тебе, дружище:  
У нас здесь почтичто зима, качели,  
Бесконечные твои холмы, как прежде, тянутся в небо,  
Верят крыльям, быстроногие.  
И юный Альберт все также марширует святым своим  
шагом  
По-над кроной  
В город, которого не стало.

# [ta världen på lån]

Старый медведь  
гонит прочь от себя сон;  
когда первый снег  
наносит мелом слепые пятна  
на стекла, он  
считает звездных китов,  
подбирает оброненные  
листья.

Ты никогда-никогда не видел гор осенью, ты  
никогда не слышал, как стонет буря —  
закачай в свой уютный мирок мой архив пустоты,  
зашифруй мою скоропись детской азбукой,  
где не осталось согласных, и мы  
с тобой полны звезд...  
придуманные медвежата млечного пути,  
пойманные в силки собственного безволия, считаем  
волоски на затылке старой обезьяны:  
то, что было безумием — было,  
с нами случилось, дрожало на этих ветвях и  
опадало с ветром (смотри на кончики пальцев,  
не касаясь лица, считай их, опадающие мгновения,  
от первого снега — до солнцестояния,  
только не спи)

# [En Annan Morgon Raga]

нет смысла в повторении бытописания очередного  
лазаря,  
помноженного на дождевых червей, воспитанных  
телом его,  
бежавшего из лазарета в свет, когда темные дни  
приходили на смену темной ночи и даже дальше:  
блуждающие палестины твоего разума, восторженные  
воины,  
пирующие в яблоневых садах на мусорных кучах  
день – в – день солнцестояния, снежной пыли, легкого  
озноба, когда смотришь на стены и видишь стены  
и стены.  
и город пьет твоё небо своими дождями.

# [ведомость учета ландшафтов]

Вневременность бремени выдоха, экс-  
Территориальность ландшафта, неладные твои косы,  
Режущие стебли по живому в тот миг,  
Когда водой – к горлу, когда, если память, то к дождям,  
Суламифь?

Но снег.

Погода: ветер, гололед.

Разрозненность следов в уставшем парке  
Как по паркету – слом, по памяти, в бумаге,

Где складываешь лоскуты от плащаницы.

Глазницы все еще незрячи.

Всеведающий слеп и глуп, как тать,

Как против слова в поле полем

И по полям бегущая строфа:

Здесь от грозы до вдоха – шепот пыли,

От влаги до зори – туман.

Твои слова: начала, морок.

Твой город – весть,

Но все еще взыскуем продолжения

И тискаем кривые горизонта.

[...]

Галактическая дыра

Вневременного твоего молчания о частностях,

Размытые границы, краски спектра, чаще грешащие  
красным —

Так отмечается волна отступления... отступление

Волны, капитуляция. Нам —

Прочие кажущиеся диссонансы:

В каплях, в казуальном Эхо, в эго,

Наступающем на пятки плоскостей настоящего.

В звуке.

Прочее – шум.

# [оратория мерзнущих мочек]

миметис-мемет\на мимике отстранения сухого остатка,  
в торбу скарб высыпать  
как старик,  
в страхе отступающий от границы – вглубь  
материка/  
океана/  
оврага/  
овина/  
и моя голова повинна в сечении  
если не золото'м, то изрядно  
отдающем картавым эль  
слюды, ро'дная...  
следствие усечения —  
непостижимость края  
нелестной услужливости  
ацефала,  
взыскующего шляпы  
об эту пору крестителя/  
вора...  
свора святого растяпия  
растянута от платяного  
занавеса спасителя = [равно] до  
рова  
(О)

Я не увижу ни  
холода, ни  
слова доброго.  
единого.  
одного.  
в секунду лишнего  
неугодного  
благоразумия.

# [наброски к тезисам об озимых и животноводстве]

и только над городом. и только  
над  
городо  
городить границами  
пунктиры,  
отточия,  
переносы.  
империя, начиная с красной строки,  
за щекою  
хранит  
пулю...  
расписываясь в собственной любви  
к человеку,  
к многочисленности вопросов  
об излишестве  
жития, выпрастанного вовне  
(железный город в корчах, в огне,  
исчезает в окне/в окопе/в отбросах)  
любую другую  
любовь любо беречь,  
но не к твоим  
прижизненным лаврам,  
сентиментальным увечьям, литаврам,

тиранам и встречам  
рабочего и капитала...  
над горизонтом несло копотью  
в окно колотило метелью,  
металлом,  
нестройным прочим.  
религиозный озноб,  
экстаз единения с нацией, впрочем,  
будучи даже изрядно побитым молью,  
зае...

# [палестинская бородатая рыбина или черные полковники на папертях]

Вежа (о) звери:

Мальчики, зубами и членами рвущие время на части,  
Девочки-частности, давящиеся настоящим.  
Фюрер бредит музыкой и архитектурой  
В их руине; мои спичечные скульптуры  
Выгорели.

Сентиментальная мерзость, лубок  
Немудреной изжоги в миниатюре,  
Складной, состряпанной по фигуре  
В два полюса: желчи и сахарной ваты  
Раздвоенность мимикрии, посаженной на кол.  
Ты – моя голубка, я – твой голубок.

В том бессловесная небесная Монголия,  
Где толпы внутреннего выгорания,  
Сношения не\_лепости перстом камлания  
В зеркалах отражаются не то тризной кирзовой, не то  
инквизицией...  
В равной мере портящих экспозицию  
Пернатой обездоленности оратории.

Дрязга,

Я от яблоньки куцей косточки отплясывал.

Все едино: в чалме ли, в рясе —

В сердцевине положен трепет сердечной мышцы,  
кишок – то же.

Т.е., своего рода схожесть. Пусть нутром, не рожей.

После – тоска.

## [man among the ruins]

...ко времени отсутствия тебя в пейзаже, кроха,  
когда маленькие солнца, выпекаемые всухомятку  
на лодочках бездомных ладоней, хранящих тепло  
выдоха/вдоха,  
дыхания, прикосновения к летнему камню города,  
к груди под майкой,  
и весеннее равноденствие, равномерное, равновеликое,  
как возможность наблюдать движение льда в июне  
(наши последовательные шаги друг от друга, чужое  
преодоление спеси, сумятицы, притяжения. Скуки)  
сливаются всхлипом заблудившегося в океане,  
где ни китов, ни суши, ни – горизонта...  
и это, пожалуй, самое страш/нное/иное,  
если верить точке отсчета пилота  
идущей ко дну субмарины/снаряда/зонда.  
я не вижу ни космоса, ни вершины. Поле.  
отсюда и дальше – насколько хватает взгляда.  
дистиллят не слезы, но дождя, и кроме  
ничего. Геенны ли, горнего сада.  
Отсюда сама идея ада смыкается пустотою.

Там, где нас не останется, станут пустыни, дюны,  
Там, где мы упокоимся – там прорастем травой —  
Бессловесный, первый придет огонь – звездой,

И упадет в наш лес, зияющей раной. руной.

# [ДИПТИХ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДКИ]

i/

Возвращаюсь из варваров.  
Тонкая кожа  
Цивилизации  
Не лопается под острием взгляда.  
Еще есть, к чему стремиться —  
Каплями пота на лбу  
Выступает прошлое,  
Скользит по щекам, размывая перспективу:  
Точно мутное стекло между мною  
И миром  
Там, вовне,  
Где так много огня.

ii/

Разными цветами день мазали,  
Собирали горстями.  
Гостей привечали, приветливые...  
Вот только отвечали всегда невпопад,  
И глядя как будто мимо.  
Несовершенно —  
Тихий, холодный чай.  
Голодно. Над городом – пыль.

Время сияния, но небо ненастно.  
Разбирая скоропись капель в ладонях,  
Упускаю твои отражения.  
В минувшем – чуждые знаки.  
Слова.

# [рага попутного ветра]

тени тлен  
по капле в купели пепла  
и в скатерти-на\_изнанку  
выдавливать из оконечников  
памяти точно  
татлин тот  
крыльями с башенок окрестился,  
крысонька  
да и я спросонок  
глазоньки отворяя  
вне гляделся,  
где – белы'м бельма рисовать,  
пока  
каплет в доньшко  
глазок, детонька,  
точкой ставших  
и ручёнкой в окошечко  
тонко купели звати  
от осени – к паводкам,  
там кранов маковки  
тонут,  
тем карты край  
картаво  
разлинован вдоль вен

УСТЬЯ.

весне пусто

от слога талого,

от пущенного рукою твоею кораблика

к краю без моря.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.